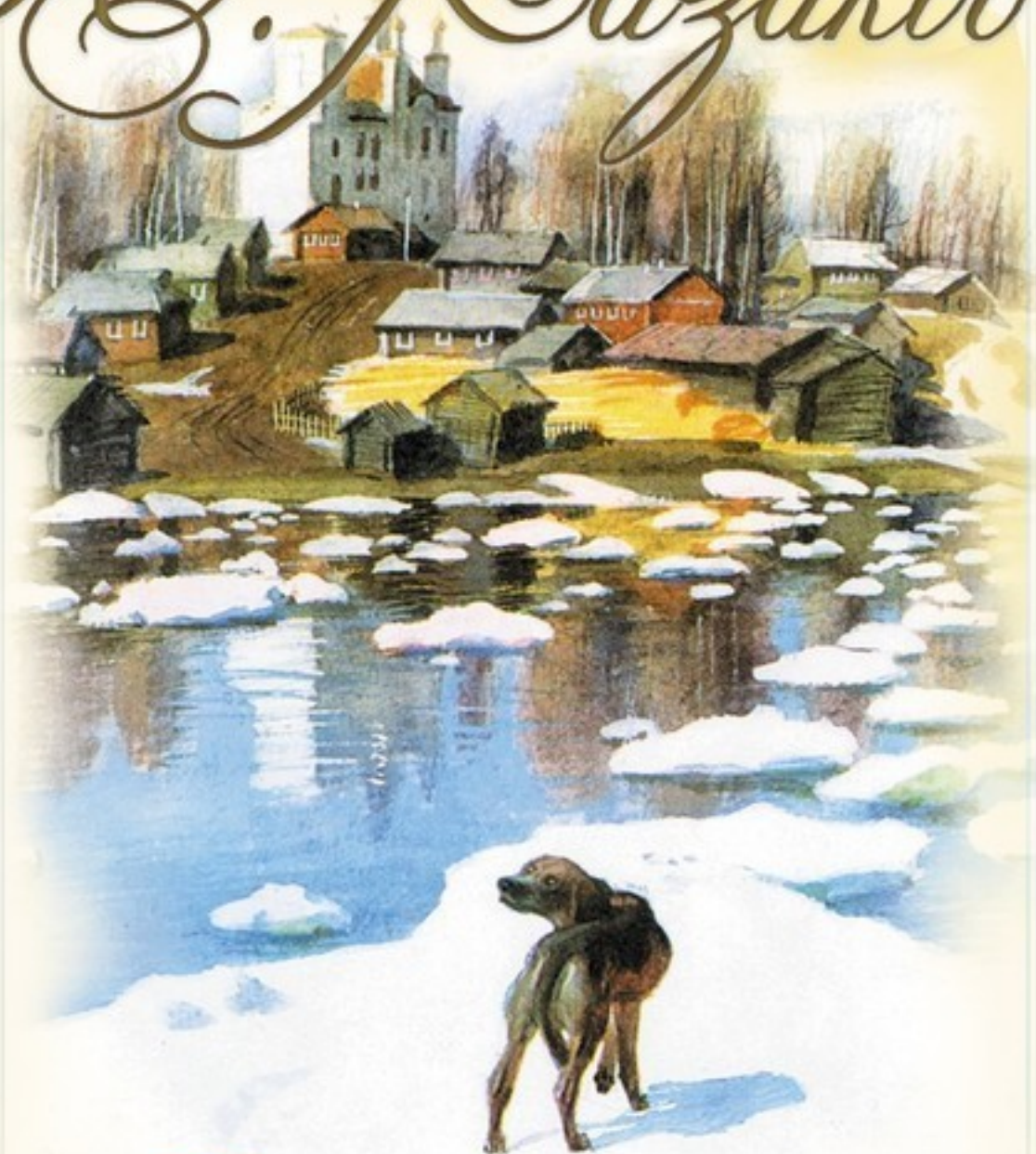

И.О. Казаков

Рассказы

Юрий Казаков

Рассказы

«АСТ»

2012

УДК 821.161.1-31-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Казаков Ю. П.

Рассказы / Ю. П. Казаков — «АСТ», 2012

В сборник вошли детские рассказы Ю. П Казакова.

УДК 821.161.1-31-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Казаков Ю. П., 2012
© АСТ, 2012

Содержание

Глупый Чик	7
Зачем мыши хвост?	10
Как я строил дом	12
Корова-спасительница	14
Красная птица	16
Лютый враг	21
На еловом ручье	23
Ночь	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

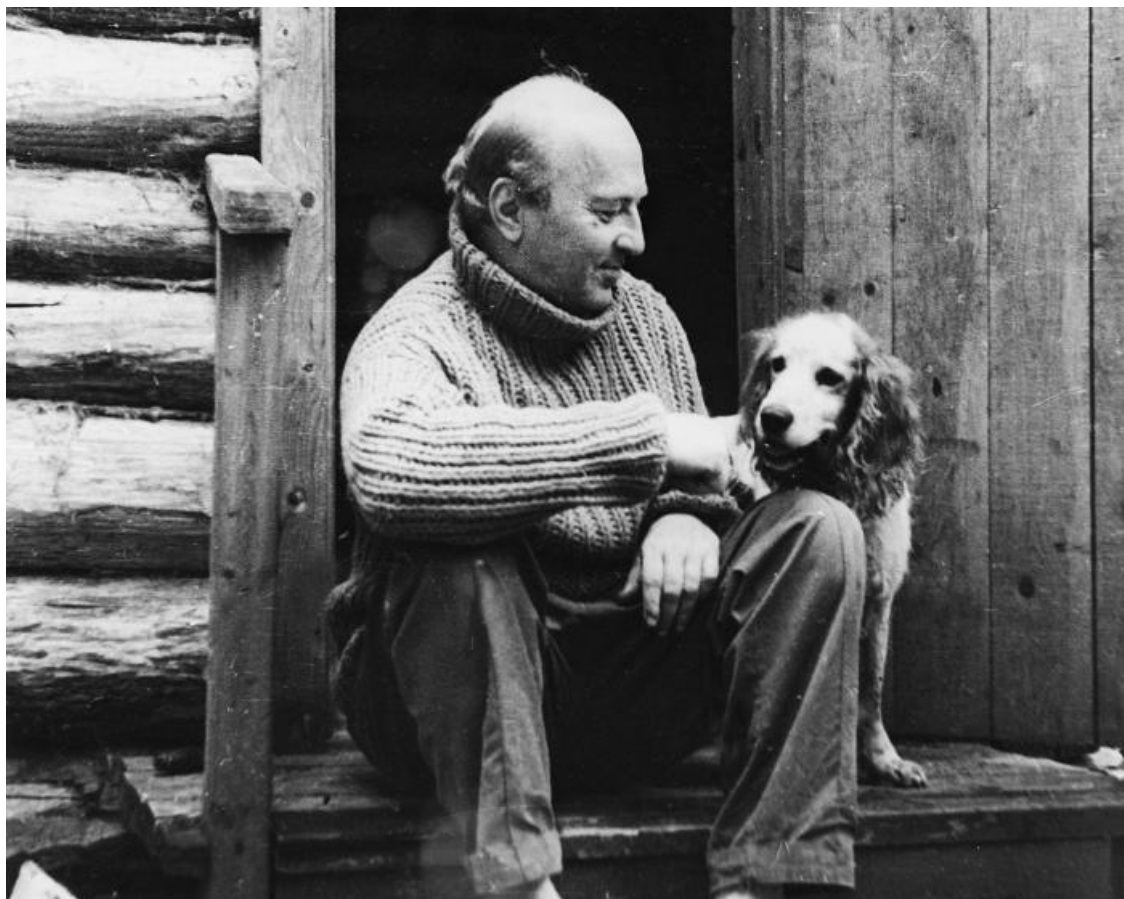
Юрий Павлович Казаков

Рассказы

© Текст, Казаков Ю. П., насл., 2012

© Ил., Устинов Н. А., 2012

© ООО «Издательство Астрель», 2012

Глупый Чик

Жил-был один воробей по имени Чик. Но это просто так говорится, что один. На самом деле воробьев в нашей деревне было душ тридцать, а может, и больше. Кто их там будет считать!

После длинной зимней ночи деревня просыпается: вот кто-то пошел за дровами, заскрипел дверью сарая, потом залаяла собачонка в своей конуре. Для людей наступило утро, а звезды светят еще по-ночному, и воробьи спят по чердакам, тесно прижавшись друг к другу.

И только когда звезды погаснут и порозовеет небо на востоке, воробьи вылетают со своих чердаков и собираются все вместе на каком-нибудь голом кусте сирени.

– Брррр! – кричит кто-нибудь и взъерошивает перья. – Ну и холодина! Ну и мороз!

– Бррр! Справедливо сказано! Мороз! – подхватывают остальные, и клубочки пара вылетают при этом у них из клювов. – Даже глаза мерзнут!

– Братцы! – пищит один воробей. – Ну и сон мне приснился!

– Какой? Расскажи скорей!

– Будто сижу я возле горячей трубы.

– Ах, замечательно! – дружно вскрикивают остальные.

– Да! Возле трубы... А передо мной полное корыто зерна! И вот я клюю, клюю...

– И мне такой сон приснился! – кричит кто-нибудь.

– И мне!

– И мне!

Всем воробьям в жестокие зимы снятся одинаковые сны.

Потом старый воробей спрашивает:

– Ну? Куда мы сегодня летим?

Какой шум тогда поднимается на сиреневом кусте! Одни пищат, что надо лететь к булочной, другие зовут к столовой, третьи – на станцию, где одна старушка торгует семечками...

– Ладно, – решает старый воробей. – Летим во все концы. Если кто найдет что-нибудь стоящее, пусть зовет остальных.

И все разлетаются, зорко глядят вниз, на дороги, на остановки автобуса, на платформу, на задний двор столовой. И когда кто-нибудь увидит рассыпанные зерна или корки хлеба, он тут же взвизгивает к небесам и вопит во весь голос:

– Братцы! Ко мне!

Мигом слетаются к нему воробьи, и каждый старается перекричать других:

– Молодец, чик-чирик!

И так они перелетают шумными стайками целый день, пока темнота не загонит их опять по чердакам.

Так вот, жил-был среди наших воробьев Чик. Родился он прошлым летом, и сперва его кормили папа с мамой, а потом он и сам стал летать и клевать все, что попадется: червяков, гусениц, зерно на дорогах, семечки на базаре, и думал, что всегда будет много корма, и страшно удивился, когда настала зима и все вкусные вещи исчезли под снегом.

Это был глупый воробей, хотя про себя он думал, конечно, что умней его нет никого на свете. Он был молоденький воробей, ничем замечательным себя еще не проявил, а просто летел туда, куда все летели, клевал то, что находили другие, и так же, как все, по утрам зевал, взъерошивался и говорил:

– Братцы! Ну и мороз!

Но однажды утром наш Чик вдруг взял и подумал: «Дай-ка и я куда-нибудь сам слетаю. Если найду что-нибудь, позову всех. И все станут кричать: «Молодец, Чик! Какой ты умный!»

Взял и полетел куда глаза глядят. Летал он, летал, глядел, глядел – нигде ничего не видно. Замерз Чик, продрог и хотел уж поворачивать назад, как вдруг увидел такое, что у него дух захватило, и он вынужден был присесть на веточку отдышаться и опомниться от удивления.

Недалеко от нашей деревни в лесу стоял небольшой деревянный дом. Жили в нем только летом, а зимой он стоял пустой, снег так его засыпал, что и трубы не было видно. Все птицы в округе знали, что зимой дом пустует, и никто поэтому туда не летал.

Но в эту зиму в доме поселились люди. По утрам из трубы весело валил дым, а вечерами уютно светились окошки.

Люди знали, как холодно и голодно зимой птицам, и поэтому сразу же сделали кормушку и насыпали туда всякой всячины. Но проходили дни, а к кормушке никто не прилетал. Ведь птицы не знали, что тут их ждет корм.

Скучно стало людям слушать по ночам мышиную возню, пришли они к нам в деревню, выпросили в одной избе котенка, принесли домой и назвали Васькой. Васька был беленький, пушистый, днем играл, а вечерами пугал мышей или, сидя возле печки, громко мурлыкал от удовольствия, будто маленький моторчик: фррррррр, фррррррр, фррррррр...

Вот к этому-то дому и подлетел случайно наш Чик. Опомнившись от удивления, он сел на край кормушки и поглядел на корм сперва одним глазом, потом другим, а потом уж сразу обоими.

Чего тут только не было! Обычно птички кормушки называют лесными столовыми. Но это была не столовая, а целое кафе. Люди насыпали в кормушку овсяных хлопьев, пшена, конопли, льняного семени, семян сосны и елки, гречневой каши, хлебных крошек и даже колбасы, нарезанной тоненькими, как червячки, дольками!

Если бы у воробьев были слюни, то у Чика наверняка потекли бы слюнки – так аппетитно все это выглядело.

Сначала Чик хотел сразу лететь за друзьями. Но он так ослаб и был такой голодный, что подумал: «Я сперва сам поем. Совсем немножко... А потом уж полечу!» – и принялся клевать.

Чик попробовал всего понемногу. Все было очень вкусно, но вкусней всего была колбаса. И он навалился на колбасу. Через полчаса Чик почувствовал, что просто уже не может лететь.

Тогда он сел на край кормушки и закрыл глаза. «Это я нашел, – думал он. – Мне и одному тут хорошо. А то позови всех сюда – сразу всё съедят! А одному мне тут на целую зиму хватит».

От еды ему стало тепло, он взъерошился, стал похож на серый шарик, втянул в плечи голову и решил: «Не стану я их звать. Пускай лучше буду один я сыт».

Решив так, Чик тут же забыл, как его самого звали друзья, когда что-нибудь находили, забыл, совсем успокоился и даже вздремнул немножко. А проснувшись, опять принялся за еду.

Люди заметили Чика и обрадовались.

– Теперь нужно ждать других воробьев, – говорили они. – Он их приведет.

День кончался, и солнце заходило за дальний лес, когда Чик прилетел в деревню. Все воробьи, перед тем как разлететься по чердакам на ночлег, опять сидели на сиреновом кусте, тесно прижавшись друг к другу, и вспоминали сегодняшний день.

Чик прислушался и узнал, что день был неудачный – друзьям удалось поклевать немного рассыпанных подсолнухов на станции да порыться в навозе у переезда. Чик у стало немножко стыдно. Сгоряча он хотел даже поделиться тайной с лучшим своим другом по имени Тик, с которым он спал бок о бок и с которым ему снились одинаковые сны, но потом передумал. «Одному скажешь, – рассудил он, – а тот еще кому-нибудь, так и пойдет...» И Чик сам перед собой поклялся, что будет молчать.

– Ну как, Чик, поел ты сегодня чего-нибудь? – спросил Тик, когда они устроились рядом возле печной трубы на ночлег.

– Ах, братец Тик! Одних березовых почек, одних мороженных почек... – грустно ответил Чик, потихоньку отдуваясь от сытости и заводя глаза.

– А впереди еще целая зима! – сказал Тик и вообразил морозы и холодный ветер.

– Да, да, Тик! Целая зима... – грустно сказал Чик и вообразил гречневую кашу и колбасу, которые ждали его в кормушке.

Хорошо зажил Чик! Утром он сперва летел за остальными, потом незаметно отставал и присаживался на дерево. Выждав время, он поднимался в небо и летел к кормушке. Но подлетал к кормушке он не сразу, а сначала садился на верхушку высокой голой березы и зорко оглядывался по сторонам. Он боялся, что кто-нибудь из воробьев увяжется за ним.

Убедившись, что его никто не видит, он незаметно появлялся у кормушки и с жадностью набрасывался на еду. Наевшись, он встряхивался и принимался весело чирикать. Так воробьи чирикают только весной, но для Чика все время была весна, и он не мог удержаться. Начирикавшись, он заводил глаза и дремал. Потом опять клевал и вечером возвращался в деревню.

– Да, плохо нам зимой! – жаловался он Тику. – В животе так и пищит от голода...

– Ты прав, ты прав! – соглашался озябший и голодный Тик.

Так бы хорошо и прошла зима для Чика, если бы его не заметил однажды Васька. Нервно пошевеливая хвостом, он долго слушал, как чирикает-заливается Чик, а потом стал красться к кормушке.

Васька был белый, и снег белый, и Чик ничего не замечал. Подойдя совсем близко, Васька дальше идти не осмеливался, а прилег и стал терпеливо ждать, когда Чик отвернется. Вдруг он так удивился, что даже привстал: воробей перелетел на сук ближайшего дерева, встряхнулся, взъерошился, закрыл глаза и задремал!

Васька подполз к дереву с другой стороны и осторожно стал подниматься вверх по стволу. Поднявшись, он выглянул из-за ствола: воробей спал так сладко, что даже похрапывал.

Васька вылез на сук, подобрал под живот лапы, изловчился и прыгнул. С Чиком в зубах он свалился с дерева и прыжками помчался к дому.

Чик проснулся от ужасной боли, вытаращил глаза, увидел Васькин огромный глаз и толстые белые усы – и даже чирикнуть не смог.

Тут бы ему и конец, но Ваську с воробьем в зубах заметили люди, выскочили на крыльцо, затопали, закричали на разные голоса: «Брысь! У-у! Васька! Брось сейчас же!» Васька выронил воробья и залез на всякий случай на дерево.

Чика принесли в теплый дом. Сначала он не подавал признаков жизни, потом очнулся, слабо подпрыгнул и стал биться об оконное стекло, не понимая, что мешает ему улететь в лес. Его выпустили, когда убедились, что он может летать.

Чик взлетел на макушку елки, сел там и почувствовал, что не может дальше лететь. Так он и сидел неподвижно до самого вечера.

Уже совсем стемнело, когда он добрался до деревни и сразу забился за трубу. А утром во всем покался и рассказал о страшном звере, который его схватил. Выслушав его, старый воробей сказал:

– Это тебя схватила кошка! Она бы тебя никогда не схватила, если бы рядом были мы. Тебя нужно прогнать из нашего общества. Но ты глуп, потому что молод. Чтобы исправить свою ошибку, ты покажешь нам это место.

С тех пор воробьи каждый день летают к лесной кормушке, и возле дома весело звенят их голоса. Иногда к ним пробует подкрадываться Васька, но его кто-нибудь обязательно замечает, воробьи взлетают, рассаживаются по веткам и насмешливо чирикают сверху на Ваську.

А люди радуются, что птицы привыкли к их дому, и каждый день подсыпают им корму. Всем хватает!

Зачем мыши хвост?

Хотя Алеше было пять лет – он был такой умный, что я даже боялся его.

Как увидит меня, так и спросит о чем-нибудь таком, чего я не знаю.

«Угадай!..» – говорит.

Я думаю, думаю и никак угадать не могу!

Так и на этот раз.

Сидел я как-то в один прекрасный летний день у раскрытого окна и читал книгу. Слышу – бежит кто-то по дорожке во весь дух. Потом слышу, лезет к подоконнику снаружи и пытит. Только я успел голову повернуть, как появился в окне Алеша и так хитро на меня посмотрел, что я вздрогнул и даже книгу закрыл.

Ну, думаю, так и есть! Сейчас опять о чем-нибудь спросит, чего я не знаю.

Только я так подумал, вдруг Алеша как крикнет:

– А вот скажи – знаешь?

– Что? – спросил я. – Что знаю?

– А вот скажи, зачем мыши хвост, знаешь?

А я растерялся и молчу. «В самом деле, – думаю, – зачем?»

Подумал я, подумал и говорю:

– Нет, – говорю, – не знаю. А ты знаешь? Скажи!

– Хитрый какой! – закричал Алеша. – Так я тебе сразу и сказал! Сам думай!

– Да я, – говорю, – все передумал, ничего не получается.

– Ну, тогда я тебе завтра скажу. А ты пока еще подумай. Я и сам три дня думал, пока догадался!

Убежал Алеша, а я стал думать.

Ну, зачем, например, хвост корове? Чтобы по бокам и по спине себя стегать, разных мух и слепней отгонять.

И лошади – для того же самого.

А собаке? Ну, это всем известно – для радости и любви. Если она хвостом виляет, значит любит тебя и радуется.

Даже обезьяне известно, зачем нужен хвост! Она хвостом за ветки дерева цепляется. Зацепится, висит вниз головой, а сама всеми четырьмя руками бананы уплетает за обе щеки.

А у мыши хвост как будто совсем даже лишний. Он и не болтается, не виляет, крючком не загибается, а просто волочится за ней, как веревочка. И если зимой она по снегу пробежит, то между следов от ее лапок как раз посередине – бороздка от хвоста. Будто маленький-маленький человечек разогнался и поехал потом на одной лыже.

Ничего я не придумал и пошел на улицу. «Спрошу, – думаю, – у какого-нибудь умного человека».

Только вышел, гляжу, идет умный человек. Человек как человек, только по лицу сразу видно, что умный.

– Так и так, – говорю, – объясните мне, зачем мыши хвост? Засмеялся умный человек и отвечает:

– А затем, что у всех зверей есть хвост. Один только человек без хвоста, а у остальных – хвост!

Ну и обрадовался же я!

«А и в самом деле, – думаю, – у всех зверей хвосты. Даже у зайца и у медведя есть хвосты, только маленькие. И у птиц, и у рыб, и у китов у всех. До чего же просто!» – решил я и со спокойной совестью пошел домой.

На другой день опять явился Алеша, залез из сада на подоконник и с любопытством уставился на меня.

– Ну как, угадал?

– Еще бы! – сказал я.

– Ну и зачем?

– А затем, – важно сказал я, – что ни зверь, ни птица, ни рыба...

Но Алеша больше и слушать не стал, спрыгнул на землю и закричал.

– Эх ты! – закричал он и запрыгал на одной ножке. – И не знаешь! И не знаешь! И не знаешь! А хвост ей – для кота!

– Как для кота?

– А вот и так! Кот ка-а-ак на нее прыгнет! А она от него в норку – юрк! Что? Скажешь, не так?

– Значит, она в норку спрячется...

– Вот тебе и значит! Она сама уже в норке, а хвост у нее снаружи! Кот ее за этот хвост – цап! Попа-а-алась! Вот зачем ей хвост. А ты думал?

– Да-а, – грустно согласился я. – Вот, значит, зачем ей хвост. Бедная мышка!

– Вовсе и не бедная! – радостно крикнул в ответ Алеша. – А ты знаешь, коту зачем хвост?

– Ну? Зачем?

– Не скажу! Сам догадайся!

– Ну скажи!? – стал просить я. – Пожалуйста!

– Сказать? Ну ладно, так и быть... А коту хвост – для мыши! Догадался?

– Ничего не понимаю, – сознался я.

– Эх ты! Кот как мышь ловит? Ляжет, к земле прижмется... Вот ни за что не заметишь! А хвост у него шевелится туда-сюда, туда-сюда, так и ходит! Это он для того шевелится, чтобы мышь его заметила и скорей бежать! Ну? Понял теперь?

– Здорово! – догадался, наконец, и я. – Значит, у мыши хвост для кота, а у кота – для мыши? Здорово!

– Еще бы! – согласился Алеша.

– Ну, ты молодец! Сам придумал?

– А кто же еще? – гордо ответил Алеша. – Я еще и не такое придумаю, нипочем не отгадаешь!

Алеша шмыгнул носом и убежал придумывать новые загадки.

Как я строил дом

Когда я был маленьким, я больше всего любил рисовать дома. Я рисовал их целыми сотнями. Я рисовал их в тетрадах, в альбомах, на оборотной стороне фотокарточек и на обоях, на стенах домов и на заборах, во дворе на асфальте и в кухне на кафельной стене.

На каждом кафеле я нарисовал по дому.

Другие ребята тоже рисовали. Но они рисовали разные вещи: человечков и собак, коров и кошек, лес, траву и солнце. Один я рисовал только дома. Они у меня были одноэтажные и двухэтажные, с высокими крышами и низенькими. Одни дома выходили у меня в пять окошек, другие в восемь, или десять, или в одно окошко. На каждом доме была у меня труба, а из трубы обязательно шел дым. Дым выходил у меня лучше всего.

Дым выходил у меня такой замечательный, что все останавливались и долго не могли опомниться, а потом говорили разные слова.

Одни говорили:

– Ай-яй-яй!

Другие говорили:

– Вот это да!

Третьи говорили:

– Ну и ну!

А четвертые говорили:

– Ничего не скажешь!

И все думали, что я стану великим художником. Но я не стал великим художником, а совсем наоборот.

Когда я стал большой, у меня объявилось ужасно много родственников.

Сначала у меня были только отец, мать, брат и старшая сестра. Потом у меня завелись сначала мои племянники, потом моя жена, потом мои дети, потом тетки, бабки, свекрови, золовки, невестки, зятья, девери, свояки и свояченицы, двоюродные и троюродные братья, а у тех, в свою очередь, были племянники, дети, свояки, свекры, золовки и невестки.

Дело дошло до того, что я уже не знал, кто чей свекор, а кто чей сын.

Днем я работал, и жить было можно. И вечером ничего страшного не было. Все были на ногах, все бегали, возились, играли, плакали, кричали, говорили, жарили, варили и стирали. И впечатление было от всего этого радостное. Как на площади в большой праздник.

Зато ночью, когда все ложились спать, а мне надо было пойти за чем-нибудь на кухню – вот тогда бывало мне не по себе. Везде и всюду, в комнатах, в коридоре и на кухне, спали мои родственники. Одни храпели. Другие дышали тихо. Третьи совсем не дышали. Я светил спичкой, шагал туда и сюда, наступал на ноги, на руки и сам себе напоминал картину «Ночь полководца после битвы».

Все мне завидовали, что у меня такая необыкновенная семья. Но мне чего-то не хватало. Весь день на работе я думал: чего же мне не хватает? По дороге домой я тоже об этом думал. Дома я уже не думал, а чувствовал, как мне чего-то не хватает. И во сне мне тоже чего-то не хватало.

И вдруг однажды ночью я вскочил и закричал. Все мои родственники тут же проснулись, но вскочить сразу не могли, потому что опирались руками друг о друга и друг другу мешали вскакивать. Зато думать они могли все сразу. И они все сразу подумали, что меня кто-то режет.

Покричав минут пять, я успокоился и сказал:

– Ура! Я понял, чего мне не хватало! Мне не хватало дома! Я буду строить дом! Это будет самый замечательный дом! Такой дом, какого вы никогда не видали!

Тут все родственники опомнились, зажгли свет, оделись и выстроились в очередь, чтобы обнять меня и пожать мне руку. Они все рыдали и говорили разные слова о том, что я гений, что у меня светлый ум и что они всегда верили в меня.

– Вот это голова! – говорили они.

– Вот это сила!

– Ух ты!

– Ах ты!

А так как обнять меня хотел каждый, то последний родственник обнял уже утром. После чего усталый, но довольный пошел я на работу.

И вот взялся я за дом.

Сперва привез я белого камня и щебенки под фундамент, красной звонкой черепицы на крышу, желтого круглого леса с каплями смолы для стен.

Потом я привез: рубанки, фуганки, пилы, стамески, долота, дрель, отвертки, молотки, коловороты и сверла.

Еще я привез: мела, известки, песку и кирпича, толстых гвоздей для полов и тонких – для дранки, сто банок краски, самой разной краски – зеленой, белой, красной, синей, оранжевой, черной и желтой, столярного клея, олифы и лака, оконные задвижки, дверные ручки, замки, крюки, скобы, шурупы, доски, рейки, дранки, штакетник для забора, толь, вар, паклю, замазку – и из всего этого начал строить свой замечательный дом!

Сперва я решил построить дым. Я пустил на него самые лучшие материалы. Я его клеил, сколачивал, смазывал замазкой, свинчивал, сбивал, поправлял топором и стамеской, красил всеми красками. Потом пошли в дело известка, штукатурка, бревна, кирпич, толь, доски, песок, черепица. Я выводил в небе узоры и завитки. Дым у меня то клонился на сторону, то опять круто шел вверх. В некоторых местах я его строгал рубанком и полировал. Другие места я нарочно оставлял шершавыми. Дым был у меня разноцветным – на одно место поглядишь, будто ночь на дворе или тучи. В другую сторону поглядишь – совсем синий мой дым, с розовым оттенком, будто под солнцем.

Через месяц с дымом было покончено. Он был так красив, что нельзя было глаз оторвать от него. Он был так высок, что его видно было отовсюду за сто километров. Иногда я брал билет на электричку и отъезжал километров на пятьдесят полюбоваться своим дымом издали. Издали дым был еще красивее.

Во всех деревнях и городах люди то и дело бросали работу и любовались дымом. При этом они говорили разные слова.

Одни говорили:

– Ай-яй-яй!

Другие говорили:

– Вот это да!

Третьи говорили:

– Ну и ну!

А четвертые говорили:

– Ничего не скажешь!

– Это я построил! – говорил я. – Это мой дым!

В ответ все смотрели на меня, качали головами и говорили:

– А!

Но не в этом было главное. Главное было в том, что, когда я построил свой замечательный дым, у меня не осталось материала для дома. Ничего не осталось, ни одного гвоздя! И дом мне строить было не из чего.

Корова-спасительница

Жил я как-то у лесника и пошел на охоту.

Лес мне был незнакомый, и я боялся сначала далеко уходить. А потом увлекся рябчиками. Так они в березах, в елках вспархивали, так умело затаивались, что я скоро забыл про все, а только думал, как бы увидеть и подстрелить птицу.

Ходил я, ходил, устал, сел отдохнуть, осмотреться. А была осень, и весь лес стоял передо мной золотой, потупившись, и березы тихо роняли листья. На всем золотом и нежно-желтом одни рябинки, как флаги, как красные знамена, горели – такой у них горячий красный цвет.

Подумал я о грибах, но только, смотрю, не видно совсем грибов. «Как же так? – думаю. – Рябчиков не добыл, так хоть грибов набрать надо!»

Взял я тогда палку, вышел на поляну, стукнул три раза палкой по старому корневищу и сказал волшебные слова:

*Моховики-боровики,
Подберезовики,
И козлята, и опята,
И маслята, и сморчки!
Вы меня не прозевайте,
Из-под листьев вылезайте!*

И только сказал я это, сразу вижу – полно везде грибов с коричневыми бархатными шляпками; под кустами, на полянках, под березами, под елками, под хвоей и под листьями.

Кинулся я на них, сперва с корешками брал, а потом опомнился, одни шляпки стал срезать. Сумка моя все тяжелее становилась. А тут еще глухарь поднялся – старый, борогатый, – забухал крыльями так, что у меня сердце остановилось. Выстрелил я, поднял глухаря, а он тяжелый-тяжелый, с холодными лапами.

Очень я обрадовался и запихнул его тоже в сумку, поверх грибов. Нагрузился так, что впору только домой идти. Одно жалко было: некому в лесу похвалиться своей удачей. «Ах, какой, – думаю, – сегодня удачный день! И грибов набрал, и глухаря домой принесу!»

Только недолго мне радоваться пришлось. Стал я к дому пробираться, шел, шел, а лес кругом все сплошной, незнакомый. Вижу я, что заблудился. И смеркается уже, дни осенью короткие. Стал я поворачивать туда-сюда, стал бросаться в разные стороны – и запутался окончательно.

Сел на пенек, пригорюнился, очень не хотелось мне в лесу ночевать. Да еще и тучи стали собираться, дождик накрапывать принялся.

Хорошо, когда дождь идет, а ты в тепле, под крышей сидишь и чай пьешь. Зато каково в лесу-то под дождем да ночью! «Ну, – думаю, – пропал я совсем, промокну весь до нитки!»

Вдруг слышу – вдалеке где-то будто колокольчик забренчал, какие у нас на коров надевают, когда те в лесу пасутся. Снял я шапку, прислушался. В самом деле, бренчит колокольчик – его у нас боталом зовут. Обрадовался я, вскочил и пошел на звук. Потеряю направление, остановлюсь, послушаю. Ботало забренчит, я опять к нему.

Вышел на поляну, гляжу – наша корова, лесникова, с телянком. Теленок черный, а корова белая. Идет она лесом и, видно, знает, куда идет, а теленок за ней.

Так мы и пошли: корова впереди, теленок за ней, а я за телянком. Скоро совсем стемнело, корова рысью побежала, теленок тоже топчет, и я спешу из последних сил. Очень устал, ноги дрожат, сумка с глухарем и грибами плечи режет, ружье так тянет, будто пуд целый весит. И главное, остановиться нельзя, дороги не знаю.

А корова на бегу мычать стала. Замычит, вздохнет глубоко с тоненьким свистом, помолчит немного и опять замычит. Слышу я в ее мычании жажду отдыха, хлеба, теплого пойла и так ее понимаю, что, если бы не стыдно было, сам бы замычал вместе с ней.

Выбежали мы на дорогу. Тут уж я приободрился, места знакомые пошли, можно было бы и отстать, да не хочу вот отставать, спешу что есть силы. А дорогу развезло: скользко, грязно. Известно – осень.

Потянуло наконец дымком, блеснул меж темных деревьев огонек, показался дом лесника. Корова успокоилась, остановилась, подождала теленка, лизнула его и шагом пошла. А я вспомнил, что в кармане у меня хлеб остался.

Догнал корову.

– Буренушка! – зову ее. – Буренушка...

Она остановилась, горячо на менядохнула, хлеб с руки взяла и опять двинулась к дому.

Через полчаса я уже чай пил, махорку покуривал и рассказывал леснику, как меня корова выручила. За окном темно – глаз выколи, по крыше дождик шумел. А в печке дрова трещали, на плите глухарь кипел, грибы жарились и так вкусно пахли!

А корову доили.

Красная птица

Отец и мать Миши уехали летом на Дальний Восток. Этот Дальний Восток был где-то на краю света, и Миша все жил и жил, засыпал и просыпался, играл с ребятами, и опять приходила ночь, и он засыпал, а отец с матерью все ехали и ехали. И только на одиннадцатый день бабушка, укладывая Мишу спать, сказала, что теперь-то уж, наверно, они приехали.

Так и остался Миша с бабушкой.

В июле бабушка повела Мишу устраивать в школу. А в августе от отца пришла посылка, и в ней были школьная форма, портфель, пенал, карандаши и розовые ластик. И пахло это все так хорошо кожей, сукном и сухим деревом, что Миша сразу захотел в школу. Но до школы еще долго нужно было ждать. А пока он стал надевать школьную фуражку. Он выходил на улицу, начиналась игра, и Миша часто забывал, что у него новая фуражка. Но потом обязательно вспоминал и тогда снимал, и рассматривал, и показывал козырек и подкладку ребятам, которым еще не купили форму.

Первого сентября он пришел в школу, но в его классе все ребята были с других улиц, и ему стало скучно. На переменках он тоскливо стоял возле окна или тихо прохаживался и удивлялся, что раскрасневшиеся девчонки и ребята бегают по коридорам и скрипучей лестнице, возятся, шепчутся и обнимаются, будто дружили раньше всю жизнь, хотя все они увидели друг друга только сегодня. Ему казалось, что форма его неудобна, что ботинки жмут, и что все вообще в школе плохо, и нехорошо пахнет свежей краской и почему-то гречневой кашей. Школа была большая, но старая, деревянная.

Читать он давно умел, писать тоже, и, когда учитель Алексей Павлович стал писать на доске ровные палочки, Мише сделалось так скучно, что он чуть не уснул.

Он пришел в школу еще раз, на другой день, а потом уже не пошел. Сначала он говорил, что у него болит живот. Потом ему стало все равно, и он сказал, что вообще больше в школу не пойдет. А если его станут заставлять, то он уйдет из дому, уедет на Дальний Восток и будет ехать и слезать на разных станциях, и так проедет, может быть, пять лет, а там уж и учиться не надо будет. Бабушка у него была старая, беспомощная, она только ахала и огорчалась, и Миша ее не боялся.

Длинное-длинное лето кончилось, и стояла осень. В садах облетали листья, и стали видны большие яблоки. Разжиревшие гуси еле ходили по сырой траве. Часто шли дожди, и мокрая земля тогда краснела, а трава зеленела. Девчонки и ребята тащили из лесу полные ведра грибов.

«Зачем учиться, – думал Миша, – когда можно просто так жить? Разве и без школы не известно, что трава растет, а потом ее косят и осенью желтеют листья? И что над заречными полями летят гуси и журавли? И что в березовых лесах растут подберезовики, а там, где осины, – подосиновики?»

Так Миша и просидел дома до воскресенья, лазил на чердак и в сарай, играл сам с собой, а когда ребята, сделав домашние задания, выходили на улицу, он играл с ними.

Мише такая жизнь очень нравилась, он совсем повеселел и целыми днями пел песни на чердаке или в сарае. Он не знал, что бабушка ходила в школу и жаловалась Алексею Павловичу. А когда Миша в воскресенье утром делал себе стрелы для лука возле поленицы, калитка вдруг скрипнула, и во двор вошел Алексей Павлович. Миша сначала испугался и покраснел. А потом насупился и решил, что лучше умрет, чем пойдет в школу.

– Ну, здоро́во, бродяга! – сказал Алексей Павлович и сел рядом с Мишей на бревно. Он был молодой и высокий, с голубыми глазами, только рука его была скрючена и на щеке был глубокий шрам. – Как живешь-то?

Миша ничего не сказал, нагнул голову и сделал вид, что очень занят выстругиванием стрелы.

– Это ты что? – спросил Алексей Павлович. – Стрелу, что ли, делаешь? А лук хороший?

Миша засопел и подумал: «Спрашивает! Будто не знаю, зачем пришел!» – но невольно покосился на поленницу, где лежал его лук.

Алексей Павлович увидел лук, взял его в левую, изуродованную руку и подергал за тетиву.

– Слабоват, – сказал он деловито и, развязав на одном конце тетиву, снова натянул, так, что она зазвенела.

– Вот теперь ничего, – сказал он и подергал тетиву. – А стрелы у тебя, ну-ка?

И он взял стрелы. Осмотрел их и огорчился:

– И стрелы у тебя, брат, никуда: легкие. И кривые – видишь? Стрелы надо делать, – Алексей Павлович огляделся, – из сосны. Понял? Есть у вас сосновые поленья?

– Есть, – недоверчиво сказал Миша.

– А косарь есть? Поди у бабушки возьми.

Миша побежал, принес косарь, потом вместе с Алексеем Павловичем нашли они ровное сосновое полено.

– Ну вот. Это еще туда-сюда... – сказал Алексей Павлович и стал отщипывать косарем ровные лучины. – Эти лучины надо обстругать, шкуркой протереть, чтобы они круглые и гладкие были, а потом... – Алексей Павлович задумался. – Потом, брат, дам я тебе винтовочные пули. Мы их раскалим, свинец оттуда выльем, а пули насадим на стрелы. Понял? Тогда, если вверх запустишь – из глаз скроется!.. Ты чего же в школу не ходишь?

– Так... – сказал Миша. – Неохота.

– Ну вот, неохота! – возразил Алексей Павлович. – Не нюхал, брат, ты жизни, потому и неохота. Я в твои годы...

Алексей Павлович задумался, замолчал.

– Что? – спросил Миша, опять засопел и подумал: «Так и знал! Сейчас ругать станет!»

– В войну за десять километров в другую деревню к учительке бегал – вот что! Везде по деревням немцы стояли, школ не было, учителька – это мы ее так звали – дома с нами занималась. Телогреек не снимали, вот что! Эх, ты...

И Алексей Павлович опять замолчал.

– Ну, пойдем ко мне стрелы делать, – сказал он и поднялся.

Пошли по улице. Мише сперва стыдно было идти с Алексеем Павловичем, боялся – ребята смеяться будут. Но потом он привык и стал думать о луке и о том, как бы соврать получше ребятам, что лук и стрелы он сам сделал.

– У вас что, рука с детства сломана? – вежливо спросил он, чтобы не молчать. – И на лице тоже... рубец.

– Это? – Алексей Павлович приподнял скрюченную свою левую руку. – А это, брат, судьба моя, – непонятно сказал он и стал закуривать. – Я ведь не всегда учителем был. Занимался я сначала в аэроклубе, а потом стал летчиком.

– Летчиком? – Миша даже про лук забыл. – Военным? На реактивных?

– Нет, брат, был я полярным летчиком и летал не на реактивных, а на «Яке». Маленький такой самолет. Видел, наверно? Вozил почту, летал за больными, искал в море рыбаков, продукты им сбрасывал. Летал я на Маточкин Шар и на Кольский полуостров, в тундру Чум и Монч. И когда, бывало, летал, то все одну песню пел. Мотор гудит, и для других петь нельзя, а для себя можно. Хорошая у нас там была одна песня. Мы ее сами сочинили. Сидели в нелетную погоду и сочиняли. Хочешь послушать? – И Алексей Павлович тихонько запел песню про холодное море, про ветер и шторм, и про то, как долго летит самолет, и как темнеют внизу холмы и только самолет освещен солнцем, и как пилота ждут на аэродроме друзья. Песня была

немного грустная и длинная, но Алексей Павлович пропел ее всю и повторял все припевы, а кончив петь, сказал:

– Так вот и меня ждали однажды, да не дождались. Садился я на лед, темновато было, шел на костры, а вниз не глянул, зацепил за торосы, и вот...

Алексей Павлович опять посмотрел на свою руку и потрогал шрам на лице.

– Здоровый шрам, правда? – спросил он у Миши.

– Здоровый! – с уважением сказал Миша.

– То-то! Пошли скорей, а то за разговорами не дойдем никак.

Дом у Алексея Павловича был старый, стоял в саду, зарос смородиной, и весь дом снаружи и изнутри был коричневый от старости. Алексей Павлович открыл дверь на теплую веранду, и Миша дух затаил – так там было много инструментов, тисков, станочков, моторчиков, книг, проволоки и каких-то частей самолетов и планеров!

– Это у меня мастерская, – сказал Алексей Павлович. – Пойдем молока попьем. Я люблю, даже чай с молоком пью.

А когда попили молока, Алексей Павлович поглядел в окно и сказал:

– Знаешь что, лук – это потом, а давай-ка сейчас мы с тобой пойдем планер запускать. Я как раз вчера новый закончил. Пойдешь?

– Пойду, – быстро сказал Миша. – А вы планеры делаете?

– Вот ты в школу не ходишь, – говорил из другой комнаты Алексей Павлович, – а мы там организовали кружок авиамоделистов, соревнования устраиваем...

Алексей Павлович вернулся с большим планером. Планер был красный, крылья у него шли из-под фюзеляжа назад и вверх, нос был длинный и тупой, как у акулы, а на фюзеляже горб.

– Я его из пластмассы делал. Пробовал в саду пускать, да тут деревья, места мало. Мы сейчас на реку пойдем, там с обрыва далеко видно.

И они пошли.

За оврагом сразу начинался лес, а в лесу уже было желто, и на черной дороге везде желтели опавшие березовые листья. А небо наверху было голубое, даже не похоже, что стояла осень.

Миша нес планер и любовался им. Иногда он нес его на вытянутой руке, и тогда планер будто летел, даже вздрагивал, просясь из рук.

– А если он улетит далеко, как мы его найдем? – спросил он, глядя на планер снизу вверх.

– Видишь, он красный, его сразу заметно, ребята найдут, принесут в школу.

– А далеко улетают? – спросил Миша.

– Далеко.

– А может он долететь до солнца?

– Он, наверно, полетит дальше солнца, – сказал Алексей Павлович, хотя знал, что этого не может быть. Но ему хотелось, чтобы так было. И Мише тоже.

– Может, он полетит к голубой звезде, – сказал Алексей Павлович.

– К какой звезде?

– Ну, я не знаю. К Сириусу. Или к Канопусу.

– О! – сказал Миша, хоть и не знал, где эти звезды. – А можно его на ракете догнать? – неуверенно предложил он.

– Я как раз об этом думал. Знаешь, сделаем мы ракету и запустим ее тоже к солнцу. И тогда она, может быть, догонит наш планер, и им не скучно будет лететь вместе. А ты знаешь, что в нашей области родился Циолковский?

– Нет. А кто это? Летчик?

– Циолковский был изобретатель. Он изобрел ракету и написал много интересных книг про космос.

– А! Так он был легчик? – опять спросил Миша.

– Нет, он, как и я, был учитель. – Алексей Павлович немного покраснел и покашлял. – Он был старик. Глухой старик. И он еще плохо видел и спотыкался, когда шел по земле. – Алексей Павлович потер свой шрам на лице. – Или, может быть, он спотыкался, потому что все время думал о звездах, и когда шел куда-нибудь, то видел только звезды во тьме и летящие к ним ракеты.

Алексей Павлович и Миша вышли на обрыв к реке. Река текла глубоко внизу, и ивы по ее берегам были похожи на маленькие серебристые облачка. А за рекой, до лесистых холмов на горизонте, шли поля. На полях везде росли капуста и картошка, и колхозники уже начали убирать их. Видны были маленькие сверху грузовики, приехавшие в поля, и точками розовые и зеленые косынки девушек, и еще сизые кучи срезанной капусты.

– Посидим, – сказал Алексей Павлович. – Сперва нужно помолчать и как следует посмотреть на все, чтобы запомнить. Знаешь, так просто, для настроения.

– Как – для настроения? – спросил Миша.

– Ну, чтобы легко стало. На душе.

– А! Мне уже легко, – быстро сказал Миша и посмотрел на планер. И вообразил, как сейчас полетит красный планер.

– Но мы все равно еще посидим, – сказал Алексей Павлович. – Смотри, как тихо! Вон, видишь, деревья желтые, а вон, правее, целый лес багровый, а там – видишь? – еще не успело пожелтеть, там зелено. И паутина летает.

– А почему она летает?

– А это такие маленькие паучки. Осенью они выпускают паутинку, и ветер несет их с севера на юг, а когда стихает, паучки опускаются на землю и сидят на траве. А потом опять летят. Все летит, Миша, все, брат ты мой, летит – и жизнь наша, и птицы, и ракеты, и сама земля, и солнце – все летит!

Алексей Павлович опять потихоньку замурлыкал песню, которую когда-то пел на севере. О том, как внизу уходят назад гористые берега, море и виден Северный полюс. И как ветер дует над Новой Землей и солнце совсем не заходит и мерцает над океаном.

Миша сидел смирно, смотрел на красный планер, который вздрагивал рядом на траве, просясь в полет, смотрел на широкие, до самого горизонта, поля за рекой и думал, что эти поля идут до самого Дальнего Востока, где живут сейчас его отец и мать, и до Новой Земли, про которую пел Алексей Павлович, и ему было хорошо.

– Ну ладно, – сказал Алексей Павлович и встал. – Давай-ка запустим мы с тобой этого бродягу!

Он взял планер в правую, здоровую руку. А левой погладил его крылья и фюзеляж.

– Внимание! – закричал он громовым голосом, и эхо отдалось из лесу.

– Старт! – крикнул он еще громче, и эхо опять отдалось, а планер уже рванулся вперед и полетел.

Сперва он покачивался, будто был взволнован свободой и не знал, куда лететь – вниз или вверх. Потом успокоился, воздушные токи, поднимавшиеся от реки, подхватили его, и он стал забираться вверх. Он парил уже выше места, где стояли Алексей Павлович с Мишей, и заворачивал направо, но потом, раздумав, переменял курс и полетел налево, на восток, забирая все выше и выше.

Сияло неяркое, сентябрьское солнце, все заливало своим ласковым светом, и ветры, которые тихонько дули над землей, были легкими и теплыми. А там, за рекой, в полях, люди, увидев планер, прикрывали глаза от солнца рукой и смотрели на красную птицу, стремительно несущуюся к недоступной высоте, как на чудо.

– О! О! Смотрите! – говорили они друг другу.

А планер летел все дальше! И хотя Алексей Павлович с Мишей остались далеко на обрыве, они тоже как бы летели вместе с ним и вместе с ним озирали землю и радовались ласковому дню и тому, что внизу идет мирная работа и что люди замечают их планер.

Лютый враг

Приехал я в деревню, не знал ничего, не спросил никого, а прямо стал на житьё в одном доме. Очень мне дом этот понравился – аккуратный такой, крыльцо резное, с крышей на столбиках, и восемь окошек в белых наличниках на три стороны глядят. И хозяйка была добрая: самовар утром и вечером на столе шумел, а я ужасный охотник до чаю.

Но только жил в этом доме черный кот. Я таких котов сроду не видывал. Такой это был широкий, раскормленный, блестящий кот с желтыми наглыми глазами.

Усы у него были, как если посмотреть прищурившись на яркую лампу. Когти у него были тверды и остры, как железо. Только треск стоял, когда принимался он драть ножку стола или лавки. В дом входил он из-под печки, и мне даже не по себе стало, когда я в первый раз увидел усатую его морду в темноте подпечья.

Я как раз ужинал в это время, а хозяйки дома не было. Заметил меня кот, вспрыгнул на лавку и стал нюхать на столе. Сразу у меня аппетит пропал. Нюхает, а шерсть на спине так дыбом и стоит и хвост дергается. Понюхал, отвернулся, глаза прикрыл и лапами затряс, будто брезговал. А потом на печь вспрыгнул – подняло его в воздух, как нечистую силу, – и стал на меня оттуда зелеными угольями посвечивать.

Был этот кот нрава злобного и большой вор. Всю деревню в страхе держал. То в кладовку к кому-нибудь заберется, то цыплят передушит, а то на овцу кинется. Овца по деревне бегаёт, хрипит не своим голосом, а он на загорбке у нее сидит, шерсть дерет да урчит. Убить его сколько раз хотели, да не давался – умен был и скрытен.

Попробовал я сперва подружиться с ним, да куда там! Погладить и то не давался. Уши прижмет, клыки оскалит, усы вверх, а в глазах дремучесть и желтизна необыкновенная.

Очень я люблю рыбу ловить. А на рыбалке, известно, не только крупная рыба попадается, но и мелочь всякая: окуньки, ерши, плотичка. И все, бывало, мелочь эту я коту нес. Дома достану рыбу из сумки, говорю ему:

– Кушайте на здоровье, рыбка самая свежая!

Так нет, и тут не хотел уступить! Подойдет, понюхает, ушами подергает, глаза пригасит, затуманит, постоит, как бы в забытии, и отойдет.

Не стало мне скоро от черного кота никакого житья. Иду, бывало, домой, сидит он на крыльце. Подхожу ближе. Он будто меня не видит, а начинает подвывать – сперва низко, потом все выше забирает, с переливами. Я возле стенки мимо него норовлю пройти, и он на меня не смотрит – глаза отведет, глядит как бы на телянку или на курицу какую-нибудь, а сам так и дрожит, так и клокочет в горле у него от ненависти, и шерсть на загривке бугром стоит.

Дальше – больше, и стал он мне лютый враг. Встретимся на тропе – я его за три метра обхожу. На лавке лежит – не присядь рядом. Хоть совсем из деревни беги! Но скоро и этого стало ему мало.

Стал он затаиваться где-нибудь: в сенях, на полке, на лестнице – наверху; словом, когда я сенями проходил, глаза у него разгорались, начинал он фыркать, будто рысь, хвостом пошевеливать, когтями поцарапывать, переминаясь. Чем бы все это кончилось, неизвестно, если бы не один случай.

Любил я спать на дворе, на сеновале. Ложился в сено и долго уснуть не мог от удовольствия – так все кругом шуршало и душисто пахло. А утром хорошо было слушать, как петух голосит и другие по дворам ему откликаются, как корова вздыхает, как поросенок похрюкивает и топочут, перхают овцы. Но занятнее всего на ласточек смотреть было.

Бывало, едва проснусь, как уже слышу: «Пи-пи, пи-пи!» и вижу, как они по очереди белыми грудками надо мной мелькают, птенцов кормят.

И вот однажды проснулся я от пронзительного крика. Ласточки кружили возле гнезда.

«Что это с ними?» – подумал я и посмотрел вверх. А наверху, как раз возле ласточкиного гнезда, кто-то разрывал соломенную крышу снаружи. Только я успел подняться, как в крыше уже образовалась дырка, и в дырку эту просунулась черная когтистая лапа. «Ага! Вон оно что!» – подумал я и молча схватил кота за лапу.

Кот заорал так громко, что у меня мурашки по спине пошли. Корова на дворе перестала дышать, поросенок перестал хрюкать, а овцы сбились в кучу и задрожали.

Кот выл, но я только крепче держал его за лапу, молчал и думал: «Это тебе за наглость, это тебе за зазнайство! Не воруй, не лезь, куда не надо!»

Кот уже не кричал, а визжал. Он рвал тремя лапами солому на крыше и бил себя хвостом по бокам. Потом кот сорвал себе голос и стал жалобно стонать. Но скоро он и стонать бросил и только бессильно сипел, разевая розовую пасть с белыми клыками. Наконец он совсем умолк, и тогда я отпустил его.

Очнувшись, кот соскочил с крыши и ушел в поле на гумно. Он не появлялся дома целую неделю, и все уже думали с радостью, что он совсем пропал. На восьмой день мы услышали слабое мяуканье в сениях. Мы открыли дверь, и в дом вошел кот.

Но какой же он был жалкий! Похудевший, посмирневший, – он сразу ткнулся хозяйке в ноги, замурлыкал и кинулся к месту, где стояло его блюдо с молоком. Но блюда не было.

Хозяйка принесла крынку, но я отстранил ее и сам стал наливать, поглядывая на кота. Кот ходил возле меня, сладко смотрел мне в глаза, выгибал спину, дрожал поднятым вверх хвостом и терся мне об ноги.

Смирный и ласковый стал теперь кот. Как бежит он навстречу, когда возвращаюсь я с рыбной ловли, как суетится и путается под ногами от радости! А цыплят не только не трогает, но и смотреть на них стесняется.

Что значит воспитание!

На еловом ручье

В феврале на севере, на Белом море, начинается зверобойный промысел. Его поморы называют еще зверобойкой.

Из Архангельска в море выходят ледоколы. На мачтах, на особых удобных площадках, сидят люди с биноклями, осматривают льдины, и как заметят на льдине черные пятнышки тюленей, так ледокол останавливается, зверобои сходят на лед и начинают охотиться на тюленей.

Но не только с ледоколов охотятся на тюленей, а и с берега. В самых глухих местах стоят на берегу зверобойные избушки, в горах, в лесистых ущельях, возле ручьев. Летом избушки эти пусты, никто в них не живет. А с начала февраля поселяются там зверобои бригадами и ждут появления тюленей.

Одна такая маленькая избушка стояла на Еловом ручье, и вот какой однажды случай вышел. Встали как-то утром зверобои, включили радио, затопили печку, стали греть чай. Посмотрел один из них в окошко и закричал:

– Ребята, тюлени!

Высочили зверобои из избушки, кто в чем был, с винтовками, глядят – на льду, недалеко от берега, целое стадо тюленей. Поднялась тут частая стрельба, все торопятся: тюлень – зверь чуткий, пугливый, после первых же выстрелов спешит уйти в воду. И хоть законом строго запрещено убивать самок тюленей, у которых маленькие детеныши есть, но в спешке бывали случаи, что и убивали.

Так и на этот раз... Подстрелил кто-то второпях мать, а с ней был маленький тюлененок, дня два только как родился.

Прибежали тут зверобои на лед, стали убитых тюленей к берегу тащить. Мать тюлененка тоже потащили вместе с другими в амбар, где тюленей разделявают. А тюлененок остался один на льду, заплакал и пополз за матерью. Дрожит, нюхает ее след, лапами перебирает, хвостом себе помогает и ползет быстро, как только может.

Зверобоев трое было – два пожилых, а один молодой парень, глупый еще, насмешник. Увидел он тюлененка, засмеялся и прицелился в него из винтовки, убить хотел тоже. У него еще патрон в стволе остался, и очень выстрелить хотелось. Но старый зверобой дядя Зосим не позволил, ударил парня по руке.

– Чего ты, дурак, делаешь! – сказал он и сморщился. – Это же дите махонькое...

Стоят зверобои на морозе и уж поостыли немного от горячки, уж замерзли, в избу хочется – в избе тепло, чай на печке кипит, – а уйти все не решаются. И тюлененок перед ними лежит на снегу, шевелится, смотрит на них, как человек, как ребенок.

Крохотным он был и желтого цвета. Все в нем было маленькое: головка точеная, тельце, шейка... Но удивительней всего были его глаза. Таких больших черных глаз нет ни у кого больше. И такая тоска была в этих глазах, такое горе, такие крупные слезы катились по мордочке, что невозможно было на него смотреть.

Поморы люди суровые. Всю жизнь тюленей бьют, а летом рыбу ловят: семгу, треску, селедку. В тихую погоду и в штормы одинаково по морю ходят на маленьких мотоботах, сами не раз в глаза смерть видали. Всякого насмотрелся каждый за свою жизнь. А тут вдруг всем им, и даже парню-насмешнику тяжело как-то, неловко на сердце стало.

– Что ж с им делать? – в раздумье сказал дядя Зосим.

– Возьмем в избу, пущай погреется, – решил дядя Перфилий, тоже старик.

А парень-насмешник ничего не сказал, только заморгал и стал в сторону смотреть. Нагнулся дядя Перфилий, взял тюлененка на руки и пошел скорей домой.

Как ни жалели зверобой тюлененка, а пришлось бы неминуемо погибнуть ему без матери. Некогда было зверобоям заниматься с ним, надо было дело делать. Но на другой день с утра прибежал на лыжах к дяде Зосиму внук Вася, сахару принес, табаку, ватрушек свежих, молока...

– Ой, кто это?! – закричал он, увидев тюлененка. А тюлененок за ночь будто похудел, будто еще меньше стал, только глаза по-прежнему огромные и горькие такие, заплаканные.

– Да вот матку вчера убили, так дите ейное осталось – тюлененок, – сказал дядя Зосим. – Всю ночь ревел, сам не спал и нам не давал.

– А что вы с ним делать будете? – спросил Вася.

– А что с им делать? – вздохнули разом зверобой.

– Дайте нам в школу, у нас живой уголок, – загорелся вдруг Вася.

– А возьми, – обрадовался дядя Зосим. И все зверобой обрадовались, заулыбались.

– Пушай ребятишки ухаживают. Это им для науки, – сказал дядя Перфилий.

– Только вы ему ванную сделайте, а то подохнет без воды, – захохотал парень-насмешник.

– Сделаем, все сделаем... – бормочет Вася, а сам уже одевается в обратную дорогу.

– Да ты хоть чайку попей! – уговаривает его дядя Зосим.

Но Вася и слышать про чай не хочет. Еще бы, радость какая – живого тюлененка в школу принесет!

Надел Вася лыжи, тюлененка в мешок положил и побежал домой. Тюлененок за спиной у Васи плачет, стонет, а Вася только ходу прибавляет – единым духом в деревню примчался, к школе.

У ребят в школе в живом уголке синицы жили, рыбы речные и морские в аквариумах, камбала плоская, с одной стороны белая, с другой коричневая, тупоносая навага, пятнистая кумжа и даже морские оранжевые звезды. Жили еще два ежика, заяц, который зимой сам в школу забежал, а тут прибавился тюлененок.

Обрадовались ребята, хлопотали, выпросили для него большую деревянную кадку, в каких летом семгу засаливают, – ведер тридцать воды в нее входит.

Натаскают ребята воды, тюлененка пустят, плавает он там, плещется, фыркает. А устанет – вылезет, обчистится, обсушится, на половичок ляжет и посматривает кругом. Глаза у него ничуть не уменьшились, все такие же кроткие, умные, как человеческие, только взгляд веселей стал.

Кормили его сперва молоком, а потом, когда подрос, стали рыбу давать. Чуть не целыми классами на рыбную ловлю отправлялись, ловили со льда навагу и кормили тюлененка. Ко всем он относился хорошо, доверчиво, никого не дичился, но изо всех особенно отличал одного Васю и, когда видел его, начинал от радости головкой помахивать.

А когда наступила весна и сошел лед, поднялся в школе большой спор. Одни предлагали тюлененка в зоопарк отправить, другие хотели его выпустить на волю. Спорили, спорили и решили все-таки выпустить тюлененка в море.

В тот день все в деревне знали, что тюлененка в море выпускать будут, и когда понесли его ребята на берег, то и взрослые рыбаки туда же пришли.

Пришли дядя Зосим с дядей Перфилием и даже парень-насмешник пришел, тот самый, кто тогда зимой хотел тюлененка застрелить. Весело было очень, на праздник похоже.

Пустили тюлененка на берег к самой воде, а он ничего не понимает, забыл все. Облило его раз волной, другой раз обдало, вдруг он понял что-то, лапами, хвостом зашлепал – и в воду.

Сначала на мелком месте его раза два перевернуло волнами. На берегу все засмеялись, руками хлопали, ногами затопали, закричали даже, как, бывает, на зайца кричат:

– Держи, держи его!

Только ребята стояли молча, притихшие. Жалко им было тюлененка, привыкли к нему, а Вася так тот чуть не плакал.

Тюлененок выбрался на глубокое место, скоро справился и нырнул. Показался снова он уже далеко – черной точкой. Долго эта точка на одном месте покачивалась, и всем казалось, что тюлененок на берег смотрит, прощается. И хоть не видели уже, но каждый воображал себе большие его темные глаза. Наконец опять нырнул тюлененок, и больше уж его не видели.

А зверобой закурили все вместе, задымили и тут же решили на будущее, что если опять случится грех – убьют нечаянно матку, – так детеныша ребятам в школу отдавать, а весной всей деревней выпускать на волю.

Ночь

Мне нужно было попасть на утиное озеро к рассвету, и я вышел из дому ночью, чтобы до утра быть на месте.

Я шел по мягкой пыльной дороге, спускался в овраги, поднимался на пригорки, проходил реденькие сосновые борки с застоявшимся запахом смолы и земляники, снова выходил в поле... Никто не догонял меня, никто не попадался навстречу – я был один в ночи.

Иногда вдоль дороги тянулась рожь. Она созрела уже, стояла недвижно, нежно светлея в темноте; склонившиеся к дороге колосья слабо касались моих сапог и рук, и прикосновения эти были похожи на молчаливую, робкую ласку. Воздух был тепел и чист; сильно мерцали звезды; пахло сеном и пылью и изредка горьковатой свежестью ночных лугов; за полями, за рекой, за лесными далями слабо полыхали зарницы.

Скоро дорога, мягкая и беззвучная, ушла в сторону, и я ступил на твердую мозолистую тропку, суетливо вившуюся вдоль берега реки. Запахло речной сыростью, глиной, потянуло влажным холодом. Плывущие в темноте бревна изредка сталкивались, и тогда раздавался глухой слабый звук, будто кто-то тихонько стукнул обухом топора по дереву. Далеко впереди на другой стороне реки яркой точкой горел костер; иногда он пропадал за деревьями, потом снова появлялся, и узкая прерывистая полоска света тянулась от него по воде.

Хорошо думается в такие минуты: вспоминается вдруг далекое и забытое, обступают тесным кругом когда-то знакомые и родные лица, и мечты сладко теснят грудь, и мало-помалу начинает казаться, что все это уже было когда-то... Будто проходил уже прохладными от сырости оврагами и сухими борками, и река темнела, с плеском обрывались в нее куски подмытого берега, тихонько стукались плывущие по воде бревна, появлялись и исчезали черные стога сена, и деревья с искривленными в немой борьбе ветвями, и зарастающие тиной озера с черными окнами... Только никак не вспомнить, где же, когда это было, в какую счастливую пору жизни.

Я шел уже часа полтора, а до озера было еще далеко. Ночью тяжело идти: надоедает спотыкаться о корни и кротовые кучи, устаешь от боязни сбиться с дороги, заблудиться в незнакомом лесу. Я почти жалел уже, что ушел ночью из дому, и думал, не присесть ли под деревом, не подождать ли рассвета, как вдруг до меня донесся тонкий дрожащий звук, похожий на песню. Я остановился, прислушался... Да, это была песня! Слов нельзя было разобрать, слышалось только протяжное: «оооо... ааааоо...», но я обрадовался этому голосу и на всякий случай прибавил шагу. Песня не приближалась и не удалялась, а все так же тянулась тонкой запутанной нитью. «Кто это? – думал я. – Сплавщик? Рыбак? Охотник? А может быть, как и я, идет ночью, идет впереди меня и, чтобы не было скучно, поет?»

Я пошел быстрее, выдрался из елового колка, прошел осиновым подлеском и наконец внизу, в небольшом распадке, окруженном со всех сторон густым лесом, увидел костер. Возле него, подперев рукой голову, лежал человек, смотрел в огонь и негромко пел.

Спускаясь вниз, я споткнулся, громко затрещал валежником, человек у костра замолчал, живо повернулся, вскочил и стал вглядываться в мою сторону, загораживаясь ладонью от костра.

– Кто тут? – вполголоса испуганно спросил он.

– Охотник, – ответил я, подходя к костру. – Не бойтесь...

– А я и не боюсь. – Он сделал равнодушное лицо. – Мне что! Охотник так охотник...

Человек, на чью песню я так спешил, оказался кривоногим парнем лет шестнадцати. Он был некрасив, с худой кадыкастой шеей и большими оттопыренными ушами. Одет он был в телогрейку, замасленные ватные брюки и кирзовые сапоги. На голове, будто приклеенная, сидела маленькая кепочка с коротким козырьком.

Несколько секунд он пристально разглядывал меня, потом с видимым любопытством спросил:

– За утями идете?

– Да вот хочу на озеро пройти, – сказал я, снимая ружье.

– Это на какое же?

Я объяснил.

– Ну, тут близко! – успокоил он меня и, повернув голову к реке, прислушался.

– Это не вы сейчас кричали? – спросил он немного погодя.

– Нет... А что?

– Не знаю, кричал кто-то... Крикнет, помолчит, опять крикнет... Я хотел было идти, да Лешка забоялся, брат мой...

Он снова замолчал, и я услышал частые легкие шаги. Кто-то бежал от реки сюда, к костру.

– Семен, Семен! – послышался испуганный и восторженный мальчишеский голос. Из темноты на свет костра выскочил мальчик лет восьми в большой, не по росту, телогрейке. Увидев меня, он сразу остановился и, приоткрыв рот, стал переводить взгляд с меня на Семена.

– Ну что? – лениво спросил Семен.

– Ой, Семен! Сидит кто-то! – Мальчик снова посмотрел на меня и перевел дух. – На двух крайних нету, а на средней сидит! Я рукой взялся, а там – ходит!

– Врешь!

– Большая рыбина ходит! – И он сделал рукой волнообразное движение, показывая, как «ходит».

Семен вскочил, подтянул штаны и, пробормотав: «Я сейчас!», пропал в темноте. Мальчик некоторое время, не моргая, смотрел на меня, потом, не отводя от меня взгляда, ступил назад раз, ступил другой, повернулся и тоже бросился в темноту – только ноги затоптали.

Скоро я услышал странную возню, приглушенные голоса, плеск воды; затем все стихло, раздались шаги, и ребята вернулись к костру. Семен нес на вытянутой руке небольшую стерлядку. Стерлядка слабо шевелила хвостом.

Запихнув рыбу в полотняную сумку, Семен сел возле меня и, улыбнувшись, сказал:

– Вот так и ловим. Три штуки уже поймали.

– Одну я вытащил, – прошептал мальчик и, потупившись, стал тереть пуговицу на телогрейке.

– Но-но! – веско произнес Семен и зловеще замолчал. Мальчик засопел и еще больше смутился.

– Брат мой, – отрекомендовал мне его Семен. – Лешка. Вы не глядите, что он тихий, – притворяется...

Леша пробубнил себе что-то под нос.

– Что? – Семен широко открыл глаза. – Что ты сказал?

– Ничего... – испугался Лешка.

– Смотри у меня! – Семен исподлобья глянул на меня, и вдруг мгновенная озорная улыбка осветила его лицо, блеснули глаза, сверкнули зубы, даже уши сдвинулись. Леша тоже фыркнул, но тотчас спохватился и еще ниже опустил голову. Семен полез в карман, немного помедлил, вытащил наконец измятую пачку папирос, закурил и предложил мне. Я отказался.

– Не курите, значит? – сожалеюще сказал Семен и покосился на Лешу. Потом облокотился, сладко зевнул, поежился и замер, мечтательно глядя в огонь. Лицо его затуманилось и приняло то теплое, неопределенное и поэтическое выражение, какое бывает у людей, думающих о чем-то неясном, но очень хорошем. Костер потухал, угли, остывая, подергивались красноватым пеплом; кругом стояла глухая ночная тишина, только наверху, где-то в кустах, позванивая боталом, бродила лошадь.

Леша внезапно поднял голову и прислушался.

– Идет ктой-то, – боязливо выговорил он и пересел ближе к Семену.

– Ерунда! – сказал Семен и покосился на мое ружье.

Несколько секунд прошли в безмолвии, затем явственно послышался хруст валежника. Семен загадочно посмотрел на меня и напряженно усмехнулся.

– Медведь, наверно, – прошептал Леша и еще ближе подвинулся к Семену. Глаза его с расширенными зрачками стали огромными.

– Полуношничаем, рыбаки? – неожиданно громко раздался хриловатый голос, и к костру, как-то сразу обозначившись, подошел пожилой человек с ружьем. Не взглянув на нас, он вытянул ногу к огню и стал, огорченно побряхтывая, разглядывать оторвавшуюся подметку.

– Ах, будь ты неладна, – бормотал он. – Вот оказия, а? Ну что, угадал я? Рыбачите? – снова обратился он к нам и поднял голову. – Э-э, да тут знакомые! – Он улыбнулся ребятам. – Что же, много наловили?

Семен воровато бросил папироску в костер и строго посмотрел на Лешку. Тот фыркнул.

– Маловато, Петр Андреич, – смущенно заулыбался Семен. – Разве вот под утро что будет...

– А ну, покажь, покажь...

Семен с готовностью вывалил рыбу из сумки.

– А, стерлядки, – с удовольствием выговорил Петр Андреевич. – Ну и хорошо. Мелковаты только.

– Раз на раз не приходится, Петр Андреич.

– А конечно, – охотно согласился Петр Андреевич и задумался. Глядя в огонь, будто уйдя от нас куда-то, он машинально полез в карман, вынул папиросы, закурил, бросил спичку в костер и все так же бездумно проследил, как она горела маленьким ярким пламенем и, погаснув, растаяла, слилась с розовым пеплом.

Был он не стар, но с глубокими морщинами на щеках, губы тонкие, нос длинный и тоже тонкий, лоб – шишковатый, узкий. Вообще лицо его производило впечатление чего-то жестокого, напряженного. Ружье у него было старое, одноствольное, с перетянутым проволокой прикладом, из сапога с оторвавшейся подметкой выглядывала портянка...

– А вы что, или на Суглинки идете? – спросил вдруг Семен.

– А? – вздрогнул Петр Андреевич. – На Суглинки? Почто на Суглинки? Бреду дальше...

– А то ваш механик давеча полную сумку приволок оттуда.

– Двух щук поймал на дорожку, – вставил Леша. – Бо-ольшие щуки.

– Это Попов-то? – спросил Петр Андреевич. – Ну, ему хорошо – он с собакой. Нет, я дойду до Овшанки, а там полее, аккурат у реки, озерцо есть, маленькое озерцо-то...

– Около Овшанки? – задумчиво переспросил Семен. – Нет, в тех краях не был я... Не приходилось. Я все больше по этому берегу места знаю.

Снова помолчали. Петр Андреевич переступал с ноги на ногу, негромко покашливал. Леша свернулся калачиком возле брата. Ему было очень хорошо, это проглядывало решительно во всем: в уютной позе, в блеске глаз, частой улыбке...

– Не знаешь, перевозчик у себя? – спросил Петр Андреевич.

– У себя. Давеча проплыл вверх. С гармошкой плыли... Гуляют они. Сын женился. Мотьку Медуницыну из второго цеха взял.

– Это рябенная такая?

– Она. Чего он хорошего в ней нашел? Я бы не женился на такой...

– Ну, ты еще в этих делах не понимаешь, – усмехнулся Петр Андреевич и повернул голову в сторону перевоза, как бы надеясь услышать гуляние. – Так гуляет, говоришь, перевозчик-то? А он перевезет ли меня? – обеспокоился вдруг он. – Не повезет, пожалуй, а? А то повезет, да и утопит? Пьяные, наверно, все...

Семен тоже повернулся в сторону перевоза.

– Кто ее знает, – сказал он неуверенно. – Да вы лодку-то сами отвяжите да и переедете. У него ведь их три, лодки-то.

– А и верно! – Петр Андреевич засмеялся и посмотрел на свой сапог.

– А тут еще тоже холера! Подошва-то напрочь отскочила. Нет ли веревочки? Иду, понимаешь, темень... О корень споткнулся, будь ты неладна, – только тряхнуло!

Леша вытащил из-за пазухи кусок бечевки. Петр Андреевич взял его, подергал и стал перевязывать головку сапога.

– Вы на что ловите-то? – невнятно спросил он.

– На подошник, – быстро ответил Семен. – На миногу.

– На миногу? Это хорошо, на миногу, она ее любит, стерлядка-то. А тут я иду, смотрю, на той стороне волки воют. Не слышали? Подрос, видно, молодняк-то.

– У наших соседей, – оживился Леша, – волк козу утащил. Прямо днем! Коза-то старая была, худая. Как он ее схватил, она мемекнула – и готова! А он через огород да в поле, да полем, полем в лес... Дядя Федор с топором выскочил, глянул да как топором в стенку саданет! Так и сейчас в стене торчит, никто вынуть не может...

– Это верно, было такое дело, – подтвердил Семен. – А то еще было: иду я тут как-то с рыбалки, а уж вечер, смерклось... Так только, немного на закате желтеет, да дорога видна хорошо. И вот прошел я лесок, что за кладбищем – знаете? – и будто кто меня толкнул: оборотился я и сперва не разобрал, а после гляжу, возле кустов будто темнеет что и глаза горят, ровно гнилушки. Трое их, значит, сидят и на меня глядят, а у меня ноги сразу встали, как другой раз во сне бывает: хотел бы бежать, да не могу, и потом ошибло. Думал – конец, но обошлось. Не тронули.

– Летом они к человеку смирные, не трогают, – уверенно сказал Петр Андреевич.

– Дядя Петь... – начал Леша, взглянул на нас и улыбнулся. – А ведь мы на вас думали – медведь! Идет похрастывает...

– Кто думал-то? – Семен пожал плечом. – Сам думал, так на других не вали.

– Нет, ребятки, – улыбнулся Петр Андреевич. – Медведь на огонь не полезет. Хотя и так рассудить: кто тут по ночам бродит? Только медведи да охотники... Тоже охотник? – обратился он ко мне. – Может, места здешние не знакомы вам, так пойдемте со мной. Не хотите? Ну... Конечно, всякий к своему месту стремится.

Петр Андреевич посмотрел на звезды, протянул широкую темную ладонь Семену.

– Прощай покуда. Побреду, а то скоро светать начнет. Да! Ведь я слышал тебя прошлый раз в клубе-то... Отец небось гордится? Молодец!

Он похлопал Семена по плечу, кивнул нам с Лешей и пошел во тьму, осторожно ступая перевязанным сапогом. Семен сидел, низко опустив голову, ковырял мозоли на ладони, хмыкал. Уши его потемнели.

Леша вдруг потянулся, выгибаясь всем телом, зевнул и потер глаза.

– Спать охота, – заявил он.

– Ну и спи. – Семен почесал брата за ухом. – Спи.

– Да, – Леша недоверчиво улыбнулся. – А сам утром пойдешь проверять и не разбудишь.

– Да разбужу, вот чудашка!

– Дай честное комсомольское!

Семен взглянул на брата, снисходительно улыбнулся и лег на спину. Было примерно около двух часов, тьма стала как будто еще плотнее, хотелось лечь и смотреть попеременно в огонь, на звезды, на едва видимые ближние деревья, слушать редкие и неясные ночные звуки, гадая, птица ли перепорхнула, шишка ли упала, или так что померещилось...

– Лешка! – встрепенувшись, сказал Семен. – Тащи дров!

Леша вскочил, исчез во тьме, громко затрещал сучьями и скоро принес целую охапку сушняку. Отобрав сучья поменьше, он навалил их на костер, сел на корточки и, выпучив глаза, стал раздувать огонь. Он дул так сильно, что от костра полетели угольки, тучей поднялся пепел.

– Гляди, лопнешь, – серьезно заметил Семен.

Леша поднял голову, взглянул на нас бессмысленным взглядом и продолжал дуть с неистовой силой. Наконец сучья все разом ярко вспыхнули, затрещали, вверх полетели крупные искры. Стало горячо, и мы, жмурясь, отодвинулись от огня.

Я полюбопытствовал, за что хвалил Семена Петр Андреевич. Семен смутился и опять принялся за свою ладонь.

– Да так, вообще... – пробормотал он.

– Он у нас всякую музыку сочиняет, – охотно сказал Леша. – У нас в школе даже два раза играл и в клубе...

– Ну? – повернулся к нему Семен. – Дальше что?

– Ничего...

– Тогда помалкивай!

Семен кинул на меня быстрый испытующий взгляд и нехотя признался:

– Вообще-то, конечно, любитель я этого дела.

– Ему батя баян купил, – опять не вытерпел Леша. – Он знаете как на баяне играет! Он что хочешь вам сыграет!

– Это верно, – подтвердил Семен и вздохнул. – Верно, играю. А только у меня мечта есть, такая мечта! Как песня раскрывается? Ведь песню-то, ее можно всяко повернуть, и сыграть ее можно, как никто не играл. Правильно я говорю? Я как играю? Беру мелодию и прибавляю к ней еще голос, и вот песня уже сама по себе, а голос вроде сам по себе. А можно, ежели мало, еще один голос прибавить, и тогда уж получится совсем иная музыка. Но и тут не все. Это только правая рука, а в левой – там гармония. Аккорды, значит. Возьмешь аккорд, вроде и хорошо, но ежели прикинуть на тонкий слух, то чистоты настоящей и вкусу нету. Нету истинной чистоты! А песня, особо ежели долгая, она должна свой запах иметь, как вот река или лес. Я вот беру в клубе сборники для баяна. Ну, сыграю и вижу: не то! Схватит меня за сердце, не могу я, ну, совсем не могу – и начинаю по-своему переключивать...

Он вдруг подозрительно взгляделся в меня, стараясь угадать, не смеюсь ли я над ним. И, успокоенный, продолжал, часто моргая, шевеля пальцами темных рук:

– У меня мечта есть... Сочинить одну вещь, чтобы вот такую ночь изобразить. А что? Лежу ночью у костра, и вот у меня в ушах так и играет, так и мерещится. А сочинил бы я так: сперва, чтобы скрипки вступили тонко-тонко. И это была бы вроде как тишина. А потом еще и скрипки тянут, а уже заиграет этот... английский рожок, таким звуком хриповатым. Заиграет он такую мелодию, что вот закрой глаза и лети над землей куда хочешь, а под тобой все озера, реки, города, и везде тихо, темно. Рожок играет, а виолончели ему другой голос подают, поют они на низких струнах, говорят, вроде как сосны гудят, а скрипки все свое тянут и тянут тихонько. Тут и другие инструменты вступают, и все вместе играют громче и громче: «ту-ру-рум, та-та-та...» И заиграет весь оркестр необыкновенную музыку! Главное, чтоб там инструменты были, которые, как колокольцы, звенят. Ну, а после надо понемногу инструменты убирать, и будет все тише и тише, и окончат опять же одни скрипки, долго будут тянуть, пока совсем не замрут...

Семен смотрел в темноту, моргал, облизывал пересохшие губы.

– А еще, – продолжал он, – надо будет колокол добавить, чтобы он звонил равномерно. Только потихоньку. А как луна из-за леса выходит, ведь это можно изобразить?.. А назову я ее «Ночь». Или нет! Надо, чтобы покрасивше было... Вот лучше: «Ночная сказка» или «Ночная звезда»... Я вот рассказать вам не могу про ночь и все такое, ну звезды там или туман над рекой. А в музыке я все могу, на сердце щемит у меня, лягу спать – не сплю, а засну – часто

такая музыка играет! Проснусь – все хочу вспомнить, и не вспомнишь... Учиться надо, это уж обязательно! Я лебедчиком работаю, лес на берег выкатываю. Сажу я, рычагами кручу, зазвенит лебедка, или автомашина просигналит, или гудок на обед прогудит, а я тренируюсь, звуки определяю, какой звук: «до» там или, может, «фа-диез»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.